

ШЕРЛОК ХОЛМС
И
ДЖЕЙМС МОРИАРТИ
НАЧАЛО

РИДЛИ ПИРСОН

Карьера Пресс
Москва

УДК 821.111(73)-93
ББК 84(7С0Е)-44
ПЗЗ

Перевод с английского — Юрий Лобов

Look and key, book 1: The Initiation
Ridley Pearson

First published: 2016 by HarperCollins Publishers, New York

Пирсон Ридли

ПЗЗ Шерлок Холмс и Джеймс Мориарти. Начало / Ридли Пирсон [Пер. с англ. Ю. Лобов]. — М.: Карьера Пресс, 2022. — 304 с.

ISBN 978-5-00074-382-9

История о том, как встретились самые знаменитые враги в литературе — Шерлок Холмс и Джеймс Мориарти.

До того как Джеймс Мориарти стал бессердечным злодеем, он был любознательным парнем с острым языком и тягой к неприятностям. В Академии Баскервиль Джеймс оказывается в одной комнате с крайне необычным соседом, долговязым всезнайкой по имени Шерлок Холмс.

Вскоре из Академии Баскервиль исчезает реликвия — семейная Библия, подаренная прадедом Мориарти. Под подозрением оказываются все, но Джеймсу подбрасывают загадочные красные конверты с шифрованными посланиями, а Шерлок с его одержимостью разгадывать загадки не может остаться в стороне. Сомнений нет: за всем происходящим стоит тайное общество.

История ведется от лица младшей сестры Джеймса, Мории Мориарти. Действие происходит в наши дни.

Ридли Пирсон — автор бестселлеров по версии The New York Times, неподражаемый мастер триллеров.

«Эта книга изменит ваше представление о Шерлоке Холмсе и заставит сгорать от нетерпения в надежде узнать, что же будет дальше». Рик Риордан.

Для всех поклонников детективов и тайн.

ISBN 978-5-00074-382-9

УДК 821.111(73)-93
ББК 84(7С0Е)-44

Copyright © 2016 by HarperCollins Publishers.

Map copyright © Pomfret School 2015

© 2022, «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке
All rights reserved.

*Посвящается
Бетси Додж Пирсон,
которая любила тайны,
а потом сама стала ей.*

Р. П.

КАРТА

1. Главный корпус
2–5. Бриксы

6. Часовня
7. Научный корпус Макандрюса

8. Столовая
9. Библиотека

10. Актовый зал
11. Дом директора

ЗАМЕЧАНИЕ О ДЖЕЙМСЕ

Он не всегда был таким. Я помню его застенчивым мальчиком, что подолгу засиживался в отцовской библиотеке, а порой спускался в подвал, чтобы ставить химические опыты. Его имя Джеймс — Джеймс Кейнс Мориарти. Он мой старший брат. Это, безусловно, делает его мальчишкой — тут ничего не попишешь, уж что есть, то есть. И хотя я могла бы сказать: «Не знаю, где он сбился с пути», — это будет неправдой. Ведь я точно знаю где: в Академии Баскервиль.

Перед вами — письменное свидетельство сестры: все, что я видела сама и что слышала из его уст. Ведь я навсегда осталась доверенным лицом моего брата. Сколько себя помню, мы с ним всегда были лучшими друзьями.

Когда-то он рассказывал мне все — и я говорю без преувеличения: все! Теперь — куда меньше. Но скажу тебе, мой читатель: с ранних лет Джеймс Кейнс Мориарти, казалось, понимал, что предназначен для великого дела. Не того, к которому стремятся все, — но все же поистине грандиозного. Мне кажется, он понимал, как

важно оставить объективное свидетельство, и потому доверял мне. Я стала его летописцем, биографом. А теперь я передаю вам, быть может, нежеланную эстафету — тяжелое бремя истины.

Я позволила себе некоторые вольности в пересказе диалогов: воспоминания вырывались порой из Джеймса, как вода из прорванной плотины. Я выработала особую стенографию — не стану утомлять подробностями, скажу лишь, что поспевала за ним. Почти все описания, как что выглядело, принадлежат мне. Я была во всех этих местах — иногда рядом с Джеймсом, а иногда позднее, когда возвращалась, чтобы самой увидеть то, о чем он рассказывал. Иногда я разыскивала очевидцев и интерпретировала их рассказы на свой вкус. Джеймс в последнее время был не очень общителен. Ну и конечно, порой мне приходилось брать интервью у других людей, а потом, словно с объективом камеры, восстанавливать происходившее. Эмоции, если хотите знать, принадлежат Джеймсу, хотя не ручаюсь, что мои собственные — да и чужие — не просочились между строк. Я доверяю своим свидетелям: они дали неприукрашенный облик событий, свой язык и чувства. Есть еще один секрет: у моего брата был дневник. До начала этой истории он даже не подозревал, что я о нем знаю. Я пользовалась им тогда — и пользуюсь теперь. Что ж, сестры есть сестры.

Пока я собирала эти записи, я поняла: величие бывает разным. Великое зло — такая же редкость, как и великое геройство.

За несколько коротких месяцев мой брат изменился до неузнаваемости. Я должна была заметить это раньше, и потому не могу считать, что на мне нет никакой

вины. Возможно, все можно было бы предотвратить... хотя скажите, разве можно предотвратить величие?

Как для сестры, для меня стало полной неожиданностью то, что случилось с Джеймсом. Это напугало меня тогда — и пугает до сих пор. Я стараюсь рассказывать все беспристрастно, насколько это в моих силах. Зверь он или чудовище, вестник или пророк — превращение моего брата было поистине мифическим.

Я была там. А теперь, дорогой читатель, — и ты тоже.

Мория Мориарти

ГЛАВА 1

СЕРЕДИНА АВГУСТА

Встрахе за свою жизнь я убежала — от брата. Я была быстрее. Мы оба это знали. Быстрее — когда бежишь по траве, к финишу, где на аккуратно подстриженной лужайке Бостон-Коммона лежат две теннисные ракетки, обозначающие линию финиша.

Но сейчас я неслась не по траве, а по коридору первого этажа дома на Бикон-Хилл. С обеих сторон на меня глядели портреты — жуткие суровые лица древних моих родственников: двоюродные дедушки, тетушки с волосатыми родинками, прадеды с надменными бровями и недоверчивыми глазами. Семейство Мориарти.

В конце галереи стояло огромное зеркало в золоченой раме, и в нем — та, которую я знала слишком хорошо. У девчонки, смотревшей на меня, было лицо в форме капли, серо-зеленые глаза, губы бантиком. Отец называл мою внешность «статуарной» — особенно нос. Я надеялась, что это комплимент, хотя мои брови, тонкие и прямые, никак не заслуживали похвалы. У нас с Джеймсом были одинаковые тени под глазами — мамина наследственность, которую я проклинала: у отца и

его предков такого не наблюдалось. Зеркало на миг остановило меня, но я оторвала взгляд от этого портрета и помчалась дальше.

Старый, как лица на портретах, восточный ковер глушил удары моих босых ног. Я ловко обогнула черный лакированный столик и стоявшего на нем стеклянного кота — ночник, светившийся, когда настенные лампы, прежде газовые, потом электрические, были выключены. (Отец терпеть не мог тьму в коридорах и на лестницах: по вечерам наш дом сиял, как рождественская елка.) Я увернулась от чучела енота, застывшего на задних лапах, и от какого-то хорька дальше по коридору — он с детства пугал меня до икоты. У хорька не хватало одного стеклянного глаза, из-за чего казалось, будто он постоянно мне подмигивает.

Преимущество скорости внутри дома исчезало: я берегла антиквариат, а брат — нет. Он опрокинул енота, даже не заметив. Мчался на меня, как поезд. В руках я сжимала дневник, его драгоценный дневник. Только если бы я отдала его, могла бы спастись от ярости Джеймса. И то — лишь если бы успела убедить его, что все было шуткой, что я и не собиралась читать. Хотя мы оба понимали: это неправда. Разумеется, я собиралась прочесть. Я читала, пока бежала. Если он меня поймает — убьет, я знала это. И, по правде говоря, заслужила. Я была воровкой — хоть и называла себя исследовательницей, хронисткой. В тот миг я чувствовала себя преступницей. Как оказалось, это чувство мне еще пригодится.

Джеймсу было четырнадцать, он был рослым для своего возраста — и, как я подозревала, уже брился. Черные волосы, слишком высоко зачесанные, придавали

лицу неряшливость, которая то появлялась, то исчезала. Лицо у него было тихое, мягкое — ни острых черт, ни резких линий, темная кожа вокруг печальных глаз. Если Малфой — это соль, то Джеймс — перец: с вечным румянцем шотландца на скулах. Темные глаза его глядели повсюду сразу, а уши — они были чересчур большими. Я не знала, перерастет ли он их, как все уверяли, или так и останется с этими «клоунскими ушами», но если нет, то ему придется нелегко на танцевальных вечерах.

— Ты — труп! — крикнул он.

Мы оба знали, что это чепуха. Он был для меня особенным. Мы были особенными друг для друга. Отец не одобрял никаких «социальных активностей» своих детей, и мы с Джеймсом учились выдумывать веселье сами: строили крепости из одеял, готовили ужасающие блюда, разыгрывали сцены из любимых книг, изобрели даже свой язык, непонятный ни отцу, ни нашему румынскому шоферу Ральфу, ни кухарке, «мисс Делфин» с Карибов. Только Лоис, наша бывшая няня, теперь — худая, седая секретарша отца и управительница всех его домов и имений, могла нас понимать.

Я уже затаилась, когда услышала тихое «щелк» — дверь отцовского кабинета открылась и закрылась. Это была единственная комната, куда нам было строго запрещено входить без отца. Ну конечно же, именно там я и спряталась. Кабинет был обставлен книжными шкафами, в которых стояли книги в кожаных переплетах; в углу — старинный глобус на латунной подставке; темный пол, тонкие истертые ковры. Пахло ореховым маслом — запахом, который я потом буду помнить долгие годы и который будет вызывать у меня слезы по прошлому.

Джеймс знал все места, где можно было спрятаться. Под массивным столом, за дверью, в бархатных портьерах цвета старого вина по обе стороны книжных шкафов, в камине или — как теперь — в итальянском шкафу.

Джеймс тянул с поиском, проявляя какую-то почти мучительскую изобретательность, которая в последние месяцы, на мой взгляд, только усилилась. Раньше он бы подшучивал, дразнил, заставляя меня засмеяться и выдать себя. Он умел строить ловушки, как отец — пчелиные: немного сладости, немного ума. Теперь все иначе: брат становился насекомым, которое ловит, а не заманивает. Если бы мы жили в Средние века, он, наверное, уже орудовал бы в пыточной. Джеймс был тем самым мальчишкой, который отрывает мухам крылья. А я была мухой. Он лишал меня уверенности — понемногу, шаг за шагом, уловка за уловкой. Он приучал меня бояться его и зависеть от него одновременно. Мой брат становился хитрым. Но я не особо придавала этому значение.

— «Какие же глупцы эти смертные!» — выкрикнул он. Наверняка думал, что я не узнаю цитату. Вот ведь в чем беда — он в меня не верил. Он считал меня дурочкой. Совсем. Я чуть не выкрикнула: «Сон в летнюю ночь!» — но удержалась: понимала, что за этим последует пытка похуже.

— Ты бы умнее поступила, если бы спряталась у Лоис в конторке или в кухне, — произнес он назидательно. — Кабинет отца — табу, девица.

Он знал, что я вскипаю, когда меня так называют. Я зажала рот ладонью, чтобы не закричать от злости.

Резкий, электрический звон сигнализации пронзил

весь дом, будто сверло. Эта функция называлась «Под наблюдением». Она коротко пищала каждый раз, когда открывалось окно или дверь, — так отец мог следить, кто вошел или вышел, превращая нас, детей, фактически в узников собственного дома. Он, правда, не видел в этом ничего дурного. Но отец вообще смотрел на вещи иначе, чем мы. Сигнал означал, что открылась парадная дверь. Отец вернулся.

Джеймс рывком распахнул левую створку старинного шкафа из резного дерева — ту, где висели отцовские зимние пальто и пахло нафталином, — и влез прямо ко мне. Я ткнула его пальцем, решив, что он собирается вытащить меня наружу и выдать отцу на заклятие. Но нет. Он захлопнул дверцу — и вот мы уже два героя из «Льва, колдуньи и платяного шкафа». Я подумала: а вдруг, если начнем царапать заднюю стенку, провалимся в снег? Пока же его колено упиралось мне в грудь, мое лицо — в его рубашку, а его другая нога оказалась между моими коленями. Джеймс, видимо, держался за штангу для вешалок — иначе как бы мог сохранять равновесие в этой невообразимой позе? Он выхватил у меня свой дневник. Я почти не сопротивлялась.

Чутье сразу привело отца в соседнюю библиотеку:
— Дети?

Затем он вошел в кабинет — нас отделяла от отца лишь дверца шкафа. Я едва не вскрикнула: мои волосы — темно-каштановые, почти черные, как у брата, если вам интересно, — зацепились за пуговицу на его рубашке. Малейшее движение вызывало мучительную боль.

Я предчувствовала катастрофу. Отец мог часами сидеть в кабинете, иногда даже дремал в кресле у камина.

Если брат не перестанет дергаться — я заору. Глаза слезились от боли, из носа текло. Что еще хуже, я услышала фыркание — по нашим следам шли две английские овчарки, Лондон и Бат. Лондон боготворил Джеймса. Бат — меня. И стало ясно: шкаф долго не продержится.

Но случилось странное: отец не сел в свое любимое кресло у камина — то самое, что всегда издавало тонкий, смешной скрип, — а стоял где-то рядом, может быть, у письменного стола, а может, перед собаками, которые теперь тихо скулили у шкафа. Я услышала щелчок — как будто защелкнулся засов, потом другой. А спустя мгновение — глухой тяжелый стук, словно кто-то поставил на пол что-то массивное.

Не глобус — тот бы так не стукнул. И не кресло. Джеймс едва ощутимо ткнул меня коленом, он спрашивал — что там происходит? Это был наш тайный язык, язык брата и сестры, выработанный долгими часами совместных шалостей. Удар кулаком в плечо, щелчок по затылку, легкое касание плеча, взъерошивание волос, шлепок по щеке — мы умели говорить без слов. И я видела, он в недоумении, так же, как и я, — что там делает отец?

Я пыталась понять, что это были за щелчки, похожие на щелчок замка открывающейся двери? Здесь, в этой комнате, где была только одна дверь? У комнаты была одна дверь, как и у нас с Джеймсом был только один родитель, который до сегодняшнего дня казался нам человеком предсказуемым. Наверное, мы просто хотели, чтобы он был таким, а может, нуждались в этом; дети, растущие с одним родителем, нуждаются в стабильности, услышала я потом от директора Академии Баскервиль. Нам нужны примеры, нравственные правила, духовная

опора и три приема пищи в день. «Остальное само приложится».

Позже я поняла, насколько ошибаются даже директора. «Остальное» не прикладывается само по себе. Оно не приложилось ни ко мне, ни к Джеймсу. Оно ушло, как ушла когда-то мать. Оставило нас блуждать в догадках, искать ответы, выдумывать способы спасения — каждому свой. В общем, тот день, когда мы сидели, сбившись в комок, внутри шкафа в отцовском кабинете, — стал для меня одним из самых дорогих воспоминаний о старшем брате. Одним из тех тайных мгновений, когда нас связывала детская близость.

И как потом выяснилось — одним из последних.